

The background of the cover is a dark, atmospheric photograph. It shows a bridge with a metal railing, illuminated by a street lamp on the left. The scene is dark, with some light reflecting off the railing and the ground. There are trees and foliage in the foreground and background, creating a sense of depth and mystery.

Артём Урянский

Страшные сказки

...всегда рядом

Артём Урянский

Страшные сказки. ...всегда рядом

«Издательские решения»

Урянский А.

Страшные сказки. ...всегда рядом / А. Урянский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905578-1

Сборник не совсем обычных жутковатых историй, которые, между тем, могут произойти где угодно и с кем угодно. Возможно, прямо сейчас что-то подобное происходит рядом с Вами. Просто посмотрите вокруг повнимательней...

ISBN 978-5-44-905578-1

© Урянский А.
© Издательские решения

Содержание

«Только правда»	6
I	7
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Страшные сказки ...всегда рядом

Артём Урянский

© Артём Урянский, 2018

ISBN 978-5-4490-5578-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Только правда»

«Дьяволом может быть твой сосед по лестничной площадке. Просто ты об этом не знаешь.» (с)

I

Первые числа сентября. Время – немногим после полудня. В воздухе уже чувствуется дыхание осени, и первые желтые листья уже стремятся прильнуть к земле иссохшими телами. Яркое солнце, какое бывает только в это время года, дарит свои последние теплые лучи.

У свежей могилы, заваленной венками так, что из-под них едва видна верхушка деревянного креста, склонив головы, стоит множество людей. Сразу бросается в глаза, что большая часть из них почти дети. Шестнадцать – семнадцать лет, не старше. Это и не удивительно, ведь под всеми этими венками и почти двумя метрами кладбищенской земли лежит в обитом бордовой тканью гробу их одноклассник, вместе с которым они в этом учебном году пришли в выпускной класс.

Здесь же учителя, соседи и родственники. Здесь молчаливый и постаревший сразу на несколько лет отец, который только механически кивает головой, слушая прощальные речи присутствующих. Матери нет. Ее, накачанную транквилизаторами, оставили дома под присмотром сестры. Пройдет еще немало времени, прежде чем она вновь осознает, что произошло.

В каждом взгляде, на каждом лице читается недоумение или боль. Но какими бы искренними и сильными эти чувства не были, они уже не могли вернуть умершего к жизни. Умерших вообще мало что способно вернуть.

За похоронами наблюдали. Наблюдали скрытно, но оттого не менее внимательно. Из темневшей у самой земли щели, бывшей когда-то окном в подвале старой полуразрушенной церкви, наружу глядели два желтых, словно подсвеченных изнутри, немигающих глаза. Если бы кто-нибудь заметил эти глаза, то, скорее всего, затруднился бы сказать, кому они принадлежат. Владелец этих глаз уже и сам забыл, как он на самом деле выглядит, ведь единственным, что он видел в последнее время, были какие-то сумбурные сны, обрывки которых сейчас беспорядочно роились в его памяти. Он, конечно, мог разглядеть себя даже в окружающей его темноте – зрение вполне ему это позволяло – но собственный вид волновал его сейчас меньше всего.

Гораздо больше затаившегося во мраке церковного подвала наблюдателя интересовали изменения, которые произошли с одеждой людей. В последний раз, насколько он мог вспомнить, вся она была сплошь серой, коричневой и темно-синей. Унылую гамму немного разбавляли цветные женские платья да мужские галстуки. Разнообразием покроя, кстати, все эти вещи тоже особо не отличались. Сейчас же одежда стоящих у могилы людей, даже, несмотря на траур, радовала глаз буйством красок и фасонов. Некто в подвале улыбнулся и медленно прикрыл глаза. Со стороны это выглядело так, как будто постепенно гаснут две неярких желтых лампочки. Да, именно так это, скорее всего, и было. Глаза не закрылись, а именно медленно погасли, перестав быть видимыми в черноте узкого подвального окошка.

Тот, кто еще недавно наблюдал за людьми снаружи, прикрыв, как ему казалось, глаза всего лишь на секунду, вновь погрузился в сон. Какие-то неясные картины и образы замельтешили в сознании, сменяя друг друга безо всякого порядка и логики. Он почувствовал, как его словно бы что-то подхватывает, и ему уже не надо прилагать никаких усилий, чтобы двигаться в потоке окружающих его видений. Он чувствовал, как становится все легче и прозрачнее и как постепенно растворяется в окружающем его пространстве. Вдруг он резко вздрогнул и два желтых огонька снова замерцали в темноте.

Людей снаружи уже не было. Косые длинные тени от деревьев и надгробий лежали на увядающей траве. В холодеющем к вечеру воздухе еще сильнее ощущался запах близкой

осени и чего-то такого, чем пахнет только на кладбище. Землей, цветами и гниющим деревом. Несколько часов пролетели в одно мгновение, стоило только закрыть глаза. Пробуждение всегда было для него сложным. Он не знал, как с этим дело обстояло у остальных – если, конечно, эти остальные вообще существовали – но ему всегда было тяжело просыпаться. Он позволил себе еще ненадолго погрузиться в блаженную дрему – ровно до того момента, когда солнце полностью зашло, оставив в память о себе только светлую полоску неба над чернеющим вдали еловым лесом – и только после этого сумел окончательно проснуться.

В серых почти осенних сумерках среди травы и редких кустов, со всех сторон окружающих старую церковь, еще можно было разглядеть, как он вытек наружу и, приняв вертикальное положение, стал похож на темный силуэт очень худого и сутулого человека огромного роста. Перемещаясь по направлению к тому месту, где сегодня днем проходили похороны, он неспешно и совершенно бесшумно плыл в десятке сантиметров над землей, двигая длинными руками, совсем, как человек двигает ими при ходьбе. Возле могилы он долго глядел вокруг, всем телом поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Разумеется, не потому, что боялся кого-нибудь. Сколько он себя помнил, боялись обычно его. Ему просто хотелось увидеть, как изменилось все вокруг с момента его последнего визита наружу. Особых изменений он, как и ожидал, не увидел. Разве что могил стало на порядок больше, а места между ними на порядок меньше. Хотя, это изменение, пожалуй, неизбежно для любого кладбища. Разница только во времени, за которое это самое изменение происходит.

Осторожно – они еще понадобятся ему – убрав венки в сторону, он низко опустил голову и замер над свежей могилой, словно хотел разглядеть что-то на поверхности аккуратного земляного холмика. Несколько минут он простоял так, слегка покачиваясь из стороны в сторону, а потом лег на могилу сверху и, будто обнимая ее, раскинул в стороны длинные тонкие руки. Спустя еще несколько мгновений он стал растворяться, будто бы просачиваясь сквозь уже начинающий подсыхать песок, пока не пропал совсем.

Открыв глаза, он увидел перед собой только черноту. Он закрыл их снова, пошевелил глазами яблоками под опущенными веками и опять открыл. Ну вот, совсем другое дело. Теперь он ясно различал не только цвет внутренней обивки гроба, но даже мог рассмотреть переплетение волокон ткани. Пошевелив руками, ногами и головой, насколько это было возможно в тесноте закрытого гроба, он не без удовольствия пришел к выводу, что тело полностью подчиняется ему. Теперь предстояло разобраться с памятью. Выяснить, кем был раньше тот, чье тело он сейчас занял. Чем занимался, кого знал, где жил и как умер. Это следовало сделать в первую очередь, а уже потом выбраться из могилы наружу, поскольку выйти в мир нужно уже зная о новом себе все. Когда-то давно он так же занял мертвое тело, не потрудившись сперва порыться в его памяти и узнать, что покойник представлял из себя при жизни. Кем именно он все-таки был – точно сейчас уже и не вспомнить, но в тот раз пришлось срочно искать новое тело взамен связанного цепью и сожженного на огромном костре. Да и раскроенный топором череп тоже как-то не очень располагал дальше оставаться в этом теле и продолжать общение со столь агрессивными настроенными окружающими людьми. Он даже слегка улыбнулся, вспомнив перекошенные от страха лица крестьян, солдат и прыгающую вместе с челюстью бороду священника, неразборчиво бормочущего молитвы в то время, когда третьего дня похороненный висельник даже с разваленной надвое окровавленной головой, непонятно как продолжает орать разбойничьи песни, безумно хохоча и разбрызгивая вокруг себя стустки черной крови.

Когда давняя картина угасла, он напряг волю и принялся разбирать нагромождения чужих воспоминаний. Через несколько часов он уже знал абсолютно все, что ему было необходимо. Он никогда не забывал все это, а просто хорошенько изучал каждый закоулок чужой памяти, чтобы в нужный момент знать, где и что можно найти.

В последний раз, проверив местонахождение основных воспоминаний, он поднял руки ладонями вверх и уперся ими в белеющую перед лицом крышку гроба.

Земля то и дело уходила из-под ног. Часто там, где Славик ожидал найти твердую опору, оказывалась яма, и тогда он спотыкался, матерился себе под нос и громко икал. Несколько раз он останавливался, чтобы отдохнуть и слить избыток выпитого под какое-нибудь подвернувшееся рядом дерево или куст. Фонарик, которым он пытался осветить себе путь, особенно не помогал, поскольку его неяркий луч мотался из стороны в сторону, освещая все, что угодно, но только не то, что было под ногами. Успокаивало Славика одно – скоро с этого разбитого асфальта он свернет на выложенную брусчаткой дорогу, что вела через городское кладбище из конца в конец. По ней он сможет идти даже без фонарика, не рискуя сломать ногу, угодив в какую-нибудь выбоину. Раньше дорога на кладбище была не намного лучше, чем за его пределами, но пару лет назад кто-то из городских богатеев на паях с администрацией раскошелится, и ходить там стало одно удовольствие. Даже в темноте.

Мистическое сочетание темноты и кладбища несколько не пугало Славика. Он никогда особо не верил ни в бога, ни в черта. Кроме того, за те шесть лет, что он, срезая приличный угол, ходил по этой дороге, он просто-напросто привык к окружающим декорациям и воспринимал их ничуть не иначе, чем, скажем, фонарные столбы.

Раньше Славик жил в другой части города, имел жену, дочь и собаку. В организации, где он трудился, его уважали и ценили, как первоклассного сварщика. Именно это, в конечном итоге, его и сгубило. С завидным постоянством Славику поступали просьбы, в благодарность за выполнение которых помимо денег он очень часто получал небольшие свертки с выпивкой и нехитрой закуской. Со временем «соточка» водки после рабочего дня стала привычкой, затем превратилась в «пузырек», опустошая который, некогда любящий муж и отец уже не торопился домой, а порой и вовсе не приходил ночевать, проводя ночь то у друзей, то в вытрезвителе. Ни крики жены, ни слезы дочери не могли убедить Славика остановиться. Когда его выгнали с работы, жена, которая до того еще надеялась, что он все-таки образумится, продала обручальное кольцо и отправила мужа на лечение. Возвратившись домой, Славик по-новому поглядел на мир и на всю оставшуюся жизнь пообещал себе в рот не брать спиртного. Восстановился на работе, и жизнь, вроде бы, пошла на лад. А через полгода он сорвался. Стал пить еще злее, с работы снова вылетел, а в ответ на требование жены еще раз пройти курс лечения просто-напросто избил ее и вставшую на защиту матери дочку, хотя раньше никогда не позволял себе даже грубого слова в их адрес. Жена подала на развод, дочь жить с ним под одной крышей тоже не хотела. Чтобы хоть как-то загладить вину, после развода он оставил жене и девочке квартиру и все, что в ней было. А сам, забрав только свои вещи и небольшой телевизор, переселился на дачу, что находилась на окраине города и окнами восточной стороны глядела на городское кладбище. Именно туда, накачавшись паленой водкой, Славик сейчас и возвращался, как возвращался уже шесть из десяти дней в день пьяных лет.

Доковыляв до центральных ворот кладбища, бывший сварщик остановился и, порывшись в карманах спецовки, нашел ключ. Подсвечивая себе фонариком, он не без труда вставил ключ в отверстие замка и отпер ворота. Помимо основной работы дворником, в прошлом году он пристроился рабочим на кладбище, что кроме небольшой прибавки к зарплате дало ему возможность срезать путь до дома, проходя через калитку, а не пролезая сквозь дыру в заборе. Надо сказать, что, несмотря на пьянство, Славик всегда старался выглядеть более-менее прилично, а доверенную ему работу всегда исполнял как следует и в срок. Кроме того, в течение рабочего дня он никогда не позволял себе больше двухсотпятидесяти грамм водки или двух бутылок вина, чтобы, как он сам говорил, держаться в норме и не допускать дрожи в конечностях. Возможно именно поэтому те, кто не был близко с ним знаком, даже не догадывались

о том, что он постоянно выпивший, если только не оказывались с ним лицом к лицу, когда уже никакие средства не могли заглушить его стойкий, закрепившийся с годами перегар.

Миновав ворота, Славик запер замок и бережно спрятал ключ обратно. Немного поразмыслив, достал из другого кармана пачку сигарет, вытащил одну и, сунув ее в рот, прикурил от не сразу пожелавшей загореться дешевой китайской зажигалки. Сделал несколько глубоких затяжек, выпустил дым через нос и, пошатываясь, побрел по белеющей в темноте дороге. Сегодня выпитая им «на посошок» рюмка была явно лишней. Желудок то и дело начинал сжиматься, а какой-то комок будто бы безостановочно двигался по пищеводу вверх-вниз. Время и без того было уже довольно позднее, поэтому Славик решил не тратить часть ночи на то, чтобы, лежа в кровати, успокаивать тошноту, а очистить желудок прямо сейчас. Тем более что впереди, как он знал, через пару десятков шагов будут развалины старой церкви, где можно оставить все лишнее. Свинячить где-нибудь между могил ему почему-то совсем не хотелось.

Последние метры до чернеющих в темноте кирпичных стен Славик почти бежал. Тошнота сделалась уже совершенно нестерпимой, но он, зажав рот ладонью, все-таки успел, спотыкаясь, влететь в кусты и уже оттуда издал глухой горловой звук.

Когда все закончилось, он, несколько раз споткнувшись о валяющиеся на земле куски кирпича, выбрался обратно. Поплевался, отер губы тыльной стороной ладони и снова закурил. В какой-то момент в его замутненном алкоголем мозгу появилось четкое осознание того, что он забыл с какой стороны пришел и куда теперь ему следует идти, чтобы попасть домой. Зажав сигарету между зубами, Славик нашарил в кармане фонарик и стал водить лучом справа налево перед собой, пытаясь определить свое местонахождение. Вдруг справа от себя на границе светового пятна и окружающей темноты, он заметил какое-то движение. Переместив луч правее, он увидел, что возле свежей могилы, там, где только сегодня похоронили молодого парня, кто-то невысокий и щуплый, стоя спиной к свету, перебирает венки.

– Эй ты! Тебе чего там надо, а?! – грозно поинтересовался Славик, решив, что перед ним какой-нибудь воришка, решивший поискать поживы на кладбище.

Станный человек у могилы, как ни в чем не бывало, продолжал свое дело и ни на окрик, ни на свет не обращал ни малейшего внимания.

– Ты там глухой или обдолбанный? Эй, я к тебе обращаюсь! – Славик уже начал выходить из себя и хотел было подойти к этому, скорее всего, малолетнему любителю хозяйничать на могилах с тем, чтобы взяв его за шиворот, все-таки выяснить, чего ему здесь понадобилось среди ночи, но в этот момент он обернулся.

– Тебе чего? – голос паренька как-то неприятно шелестел, как будто слова с трудом проходили между его сухих растрескавшихся губ.

Одет мальчишка был в испачканный землей синий костюм. На белой рубашке тоже были хорошо заметны темные пятна грязи.

– Ты какого кляпа тут среди ночи делаешь? – у Славика вместе с хмелем как-то сразу пропало желание подходить ближе. Ему вдруг внезапно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда и, желательно, напрочь позабыв сегодняшней вечер вообще и эту встречу в частности.

– Живу я тут, – паренек по-доброму улыбнулся, но от его улыбки по спине почему-то сразу побежали мурашки, – соседи мы с тобой, Славик.

– Ты откуда мое имя знаешь? – голос предательски дрожал, а ладони вдруг стали влажными и липкими. Наполовину выкуренная сигарета выпала изо рта в траву.

– Я не только твое имя знаю. Я еще много чего о тебе знаю. Например, что ты боишься пауков. Ты ведь боишься, а? Ну, скажи, Славик. Боишься? – Голос парня становился все более насмешливым и издевательским, а улыбка все сильнее напоминала оскаленную пасть хищника.

Вспыхнувшие мутным желтым светом глаза улыбающегося ужаса стали последней каплей, переполнившей чашу душевного равновесия Славика. Он сорвался с места и, не разбирая дороги, помчался прочь, натываясь на ограды и надгробья, пляшущие в луче мотающегося

из стороны в сторону фонарика. Все это время он слышал где-то позади какой-то ехидный нечеловеческий смех и шелестящий голос:

– Славик боится пауков! Славик боится пауков! Боится, боится, боится!

II

На заднем дворе школы царили почти полная тишина и спокойствие. Здесь было практически не слышно ни голосов спешащих по домам учеников, ни шума проезжающих по улице автомобилей. Желтеющую жесткую траву пятнали кляксы солнечного света. С деревьев понемногу начинали осыпаться листья. Они отрывались от ветвей по одному – два и медленно планировали вниз, кружась и танцуя в полете. На непонятно зачем поставленной сюда старинной парковой скамье с массивными чугунными загогулинами на боках сидели трое старшеклассников. Девушка и два парня. Сразу бросалась в глаза похожесть их одежды. На всех троих были черные узкие джинсы и черные же футболки с надписями практически нечитаемым шрифтом и черно-белыми портретами каких-то нездорового вида молодых людей. Рюкзаки, сваленные в кучу неподалеку, особым объемом не отличались. Вряд ли в каком-нибудь из них нашлось бы более двух книг и трех общих тетрадей. Любой, кто учился или работал в этой школе, без труда мог бы опознать в скучающей на скамейке троице учеников выпускного класса. Но опознавать здесь их было совершенно некому. Очень редко кто-нибудь заглядывал в этот закуток, образованный забором, задней стеной спортзала и котельной. Именно поэтому это место так полюбили девушке и двум ее приятелям. Все трое предпочитали находиться здесь, нежели среди без умолку тараторящих одноклассниц и хохочущих, словно молодые жеребцы, одноклассников. Света, Андрей и Максим отличались от них как внешним видом, так и интересами. В отличие от большинства своих сверстников, они не находили ничего интересного в обсуждении одежды, дискотек и новомодных гаджетов. Гораздо чаще они обсуждали фильмы, книги и музыку, которой все трое увлекались. Кроме того – хотя, наверное, это и было тем главным, что объединяло их – у всех троих были проблемы в семье. Проблемы, исправить которые было не в их детских силах. Сами они считали, что их дружба завязалась на почве любви все к той же тяжелой музыке и желании выглядеть так же мрачно, как те, кто ее исполняет. Скорее всего, они даже не догадывались, что все это уже следствия, а причины, как это часто случается, скрыты намного глубже.

Мать Андрея несколько лет назад умерла от рака. Отец, как мог, старался заменить парню обоих родителей сразу, но со временем все отчетливее понимал, что у него, по сути дела, мало что получается. Он видел, как сын с каждым днем все больше отдаляется от него. И хотя они, как и раньше, ездили на рыбалку, вместе делали разную домашнюю работу и смотрели футбол по телевизору, в глазах Андрея уже не было того огонька, какой горел в них до смерти матери. Сын как будто считал отца отчасти виноватым в том, что ее не стало. А может быть и не отчасти и не как будто. Все попытки поговорить откровенно каждый раз заканчивались тем, что Андрей замыкался в себе и вообще переставал разговаривать с отцом.

Родители Светы развелись, и мать привела в дом отчима. Первое время все вроде бы было неплохо, хотя этот лысеющий мужчина с заметным брюшком с первого взгляда не понравился девочке. Не то, чтобы она так уж любила своего родного отца, которого перестала звать отцом с того дня, когда он однажды избил ее и мать, но от отчима Свету порой почти физически тошнило. Тошнило от его манеры разговаривать с ней приторно – ласковым голосом, хотя в его глазах в это время читалась плохо скрываемая неприязнь и чуть ли не ненависть к «прицепу», который пришлось взять вместе с новой женой и квартирой. Тошнило от его привычки потирать руки прежде, чем что-то сказать или сделать. И вообще, он напоминал ей огромного противного слизня, какие в изобилии ползают по гнилушкам и сырым камням, собирая с них плесень и микроскопические грибы. Кроме того, в последнее время у отчима с матерью что-

то не ладилось. Что именно – она не знала, да и знать особо не хотела. Гораздо больше ее волновало то, что каждый раз после скандала с отчимом, мать искала любой повод, чтобы сорвать злость на ней, и все чаще в материнских глазах Света видела то же, что и в глазах отчима.

Мать и отец Максима жили вместе, и разводиться, вроде бы, не собирались. На первый взгляд вполне обычная нормальная семья. Но это только на первый взгляд. На самом деле этих мужчину и женщину уже давно ничего не связывало. Каждый из них жил своей жизнью и мало интересовался жизнью другого. Жизнью самого Максима они, по сути дела, тоже не особенно интересовались, но были искренне уверены, что продолжая жить вместе, они делают ребенку лучше, давая ему, возможность вырасти в полной семье. Нравится ли ребенку жить в такой, с позволения сказать, семье, естественно, никого не волновало. Счастье Максиму вместо любящих родителей призваны были обеспечивать регулярно выдаваемые карманные деньги и периодические подарки, большая часть из которых была ему абсолютно не нужна. Например, на последний День рождения он получил спиннинг, хотя никогда в жизни не увлекался рыбалкой. Порой парень думал, что уж лучше бы родители развелись и даже несколько раз пытался сказать им об этом. Но те делали вид, что не понимают о чем идет речь и, пожелав сыну спокойной ночи, уходили спать.

– Ну, как вам наш новенький? – нарушил молчание Андрей.

Максим как-то неопределенно скривился и отрицательно помотал головой:

– Мне он что-то не нравится. Какой-то прилизанный весь, и костюмчик пижонский.

– Вот и я про то. Мажор какой-то. А видали, как наши девки на него пялились. Чуть слюни не пускали, – Андрей поднял уголок рта, что, видимо, должно было означать улыбку.

– Да что вы к нему привязались? Может, он нормальный парень, откуда вы знаете? – Света по очереди вопросительно поглядела на обоих своих друзей.

– Ну, может и нормальный, но мне он все-таки не нравится, – Андрей откинулся на скамейке, вытянул ноги и запрокинул голову назад, давая понять, что разговор окончен, и мнения своего он менять не собирается.

– Что, боишься, что Смирнову уведет? – Света скорчила язвительную гримаску и, подмигнув Максиму, успокаивающе погладила Андрея по плечу, – не переживай, Андрюша, никуда она не денется. Никому кроме тебя эта змея не нужна.

– Пффф, да далась мне твоя Смирнова. Тоже мне, счастье, – небрежно фыркнул тот.

– Ну-ну, – саркастически процедил Максим, перехватив идею Светы, – чего ж ты тогда целыми днями глаз с нее не сводишь? Дырку скоро в ней протрешь такими темпами. И возле ее подъезда я на прошлой неделе видел какого-то парня очень похожего на тебя. Постой-ка, – Максим сделал вид, что пристально разглядывает Андрея, – так это ж ты и был!

– Нигде я не был! Что вы ко мне пристали?! – от расслабленной позы не осталось и следа.

– Да ладно тебе. Признайся – она приходит к тебе во снах, – мечтательно закатив глаза, протянула Света.

– Ладно, Свет, не трогай ты его, – кивнул на приятеля Максим, – а то его сейчас удар хватит. Вон аж покраснел весь, что твой огнетушитель.

Света смерила друга взглядом, словно оценивая степень его покраснения и, видимо, оставшись довольна результатом, ни к кому конкретно не обращаясь, спросила:

– Ну что будем дальше делать?

Андрей, снова откинувшись на спинку скамейки, все еще обиженным голосом напомнил:

– Сочинение на дом задали. «Ваша характеристика главного героя одной из прочитанных за лето книг». Сдавать завтра. А бабуля шутить не любит, сами знаете.

– Делов то, – небрежно махнул рукой Максим, – интернет – великая вещь. Хочешь – тебе сочинение, хочешь – тебе изложение.

– Ага, один ты такой умный, – Света сморщилась и покивала головой, – бабуля у нас, конечно, антиквариат, но не до такой, же степени. Да и вообще, она слишком хорошо знает кто и на что способен, так что сразу поймет, если ты откуда-то сдерешь.

– Ну, тогда пошли сочинять.

И троица, разом снявшись с места и подхватив рюкзаки, неспешно двинулась по домам.

Вслед им из школьного окна, что приходилось на лестничную клетку второго этажа, задумчиво смотрел тот самый новенький, о котором шла речь на скамейке за спортзалом. Сегодняшний день был его вторым днем в этой школе, но он уже заметил тех, кто был ему интересен. Ими как раз и были те трое, что уходили сейчас со двора школы. Было в них что-то такое, что отличало их ото всех прочих. Нет, дело было не во внешности. Внешность была самым последним, чему он придавал значение. Эта девушка, кажется, ее имя Света и два ее друга, одного из которых точно звали Максим, а второго, вроде бы, Андрей, были какими-то другими. В чем была тому причина, он пока не знал, но надеялся скоро выяснить.

– Молодой человек, – услышал он сзади женский голос, – занятия уже закончились, почему бы Вам не отправиться домой?

Он неспешно обернулся и увидел на середине лестничного пролета, ведущего на третий этаж, директора школы Марию Аркадьевну. Это была седеющая женщина чуть старше пятидесяти. Седину она тщательно скрывала каштановой краской для волос, но начинающие отращивать корни предательски проблескивали серебром. В свободное время, особенно по вечерам, Мария Аркадьевна любила читать женские романы, отмечая каждую прочитанную страницу глотком вина. Иногда, когда чтение очень уж затягивалось, она откладывала книгу в сторону и вела душевные беседы с персикового цвета котом по имени Василий, единственным, кроме нее самой, живым существом во всем доме. Но этот факт она скрывала очень тщательно. Пожалуй, даже тщательнее, чем седину.

– А, Олег, это Вы? – улыбнулась директор, узнав в обернувшемся молодом человеке только вчера пришедшего в ее школу ученика выпускного класса.

– Да, Мария Аркадьевна, это я, – Олег скромно улыбнулся в ответ, – и мне действительно пора домой.

– Не забудьте, пожалуйста, сказать родителям, когда они вернутся, чтобы зашли ко мне. Я хотела бы с ними познакомиться. Очень хочется увидеть тех, кто воспитал такого замечательного ребенка.

– Хорошо, Мария Аркадьевна, я обязательно скажу маме и папе, что Вы хотите их видеть. Я могу идти?

– Да, конечно, Олег. Всего доброго.

– Всего доброго, Мария Аркадьевна, – и будущий выпускник, стуча каблуками туфель по бетонным ступенькам, стал спускаться вниз, оставив директора в одиночестве размышлять над тем, как родители этого мальчика, постоянно находясь в командировках и разъездах, сумели дать ему такое воспитание и привить прямо таки обостренное чувство ответственности.

Это же подумать только: не успели прибыть на новое место, не успели даже толком чемоданы разобрать, как уже снова надо куда-то ехать, предоставив ребенка самому себе. Даже устраиваться в новую школу мальчику пришлось самому. Но при всем этом, какая воспитанность, какие оценки в предыдущей школе! Мария Аркадьевна не была уверена, что, будь у нее ребенок, она, даже со своим педагогическим образованием и опытом, сумела бы добиться такого результата. Она непременно должна познакомиться с родителями этого мальчика. Непременно.

Настольная лампа лила мягкий желтый свет на страницы книги. Мария Аркадьевна в ярком махровом халате расцветки «морские огурцы», сидела на диване, поджав под себя ноги в теплых полосатых носках. На столике рядом с лампой стояла наполовину пустая бутылка красного вина и наполненный из нее пузатый бокал на высокой ножке. На спинке дивана, свесив вниз пушистый хвост, возлежал кот Василий и время от времени щурился на лампу. Из приоткрытой двери, ведущей на кухню, на пол гостиной ложилась полоса яркого света, выхватывающая из полумрака часть ковра и противоположную стену с картиной на ней. В дальнем от дивана углу стоял небольшой аквариум с несколькими золотыми рыбками и непрерывно булькающим компрессором. Все это вместе – мягкий свет лампы, подсветка аквариума и яркая полоса на полу – создавали в комнате какую-то таинственную атмосферу, которая помогала Марии Аркадьевне полностью погрузиться в волнующий мир женских романов. Совсем недавно она приняла душ и теперь отдыхала после тяжелого рабочего дня. Должность директора школы, несомненно, тешила ее самолюбие, и была поводом для тихой гордости, но, в то же время, постоянное напряжение и ответственность порой выматывали ее так, что в голову начинали закрадываться мысли об отставке. Потом она вспоминала о том, что работа помогает ей не взвыть от одиночества, и глупые мысли исчезали сами собой.

После сегодняшнего короткого разговора с новым учеником на лестничной клетке школы ее настроение почему-то стало стремительно портиться, хотя буквально за четверть часа до того, собираясь домой, она даже что-то напевала, укладывая в сумку очки, блокнот и прочую необходимую мелочь. Ее мысли то и дело возвращались к тому, что иметь семью и детей – это уже само по себе счастье, которого ей никогда не суждено было испытать. Она думала об этом всю дорогу от школы до дома, думала за ужином и когда принимала душ. Отвлечься не помогали даже вино и чтение, хотя раньше самые навязчивые мысли растворялись благодаря этой волшебной формуле. Справедливости ради надо сказать, что старой девой Мария Аркадьевна осталась отнюдь не потому, что была дурна собой или имела скверную натуру. Напротив, ее внешность до сих пор привлекала заинтересованные взгляды мужчин, а характер был весьма положительным. Ее одиночество было порождено не ее собственным выбором, а прямо таки маниакальным стремлением ее матери подобрать для дочери идеального спутника жизни, дабы она не повторила материнских ошибок. Ведь отец Марии Аркадьевны, которого она, кстати, совершенно не помнила, в спутники жизни не годился вообще, посему, еще в незапамятные времена был выдворен за границы этой самой жизни. Каждый, кто переступал порог их дома в качестве потенциального жениха дочери, подвергался самому пристальному изучению. Но результат всегда был один: после того, как за очередным претендентом на руку и сердце закрывалась дверь, дочь получала от матери целый список отрицательных качеств, какие, без сомнения, скрывались за ширмой наигранных чувств и притворной любви. В какой-то момент Мария Аркадьевна поняла, что медленно, но верно движется к тому, чтобы закончить жизнь в полном одиночестве. Тогда она твердо решила родить ребенка, что называется, для себя. Встретила подходящего мужчину и, периодически ссылаясь матери на полный завал на работе, проводила с ним вечера. Забеременеть почему-то никак не получалось, и тогда ей тут же понадобилось уехать якобы на педагогический семинар в областной центр, где, пройдя обследование в клинике, она получила беспощадный приговор: у нее никогда не будет ребенка. Виной тому был сделанный по твердому настоянию матери еще в студенческие годы аборт, когда закончившая третий курс пединститута Мария Аркадьевна, а тогда еще просто Маша, встретила Виктора – свою первую и, пожалуй, последнюю любовь. Она тогда летала, как на крыльях, и была безумно счастлива от того, что сможет подарить ребенка любимому мужчине, который воспринял новость о беременности своей возлюбленной, как самую радостную в его жизни. А вот мать радость дочери

и ее молодого человека не разделила. Ее слова, как хлесткая пощечина, ошарашили обоих. Оказалось, что рожать Маша не будет, поскольку ей еще рано становиться матерью, а Виктору лучше вообще держаться от нее подальше, если он не хочет сесть в тюрьму за изнасилование. Противостояние было долгим, но деспотичная мать, в конце концов, добилась своего.

– Тебе-то, мама, хорошо. Ты умерла. А вот кто за мной в старости присмотрит? – Мария Аркадьевна отложила в сторону книгу и задумчиво посмотрела на опустевший бокал.

Ничего из прочитанного не запомнилось ей абсолютно. Она медленно наполнила бокал до половины и совершенно нехарактерным для нее образом в несколько больших глотков осушила его. Поставив бокал обратно на столик, женщина повернулась к дремлющему на спинке дивана коту и, уже чувствуя, как опьянение накрывает ее, пожаловалась животному:

– А ведь она мне, Васенька, всю жизнь сломала.

Услышав свое имя, кот открыл глаза, блеснувшие желтым в полумраке комнаты, зевнул и, выгнув дугой спину, потянулся. Затем неспешно уселся обратно, повернул голову и в упор уставился Марии Аркадьевне в лицо тяжелым немигающим взглядом. Женщине вдруг стало как-то не по себе и немедленно захотелось отвернуться, чтобы не видеть этих жутких кошачьих глаз. В голову ей почему-то пришла шальная мысль: «Это не мой кот!» Чтобы убедиться в обратном, она судорожно сглотнула пересохшим горлом и каким-то чужим хриплым голосом с трудом произнесла:

– Вася. Васенька, ты чего?

Кот открыл пасть, как будто бы вновь собирался зевнуть, но не зевнул, а произнес глухим, как сквозь подушку, голосом:

– Я – ничего. А вот ты все мать винишь, что жизнь у тебя не удалась. Не стыдно, а?

Женщина на мгновение замерла с открытым ртом, а потом резко вскочила, сбросив на пол книгу, и пулей влетела в кухню, с грохотом захлопнув за собой дверь. Привалившись к ней спиной, она расширенными от ужаса глазами шарил по комнате, пока взгляд не уперся в стулья с высокими спинками, стоящие вокруг стола. Один из них вполне подошел бы для того, чтобы подпереть им дверь, немного наклонив и засунув спинку под ручку. Но ситуация осложнялась тем, что стол и стулья находились в другом конце комнаты под окном, выходящим в сад. За то время, что понадобилось бы женщине, чтобы добраться до них, этот кот, если это вообще был кот, мог вломиться сюда и... Что могло произойти дальше, Мария Аркадьевна не могла даже предположить, поскольку понятия не имела, кем являлось нечто по ту сторону двери и что ему было от нее нужно. Стараясь дышать как можно тише, она внимательно прислушалась. Снаружи не доносилось ни звука, только едва слышно булькал в аквариуме компрессор. Женщина потихоньку отлепилась от двери и сделала небольшой скользящий шаг к столу. Снова прислушалась. Сердце, казалось, колотится прямо в горле. Его удары гулко отдавались в ушах и заставляли подергиваться пальцы рук. Еще шаг. Тишина. Ей уже стало казаться, что все это ей померещилось, но тут в дверь осторожно постучали. Мария Аркадьевна метнулась к столу, схватила стул и в один прыжок достигла двери, с грохотом ее подперев.

– Ты там? – голос из-за двери казался уже каким-то другим, но принадлежал, несомненно, тому же самому существу, – конечно, там. Куда ж ты денешься.

– Ты кто? Что тебе от меня нужно? – женщина старалась говорить твердо, но от страха язык слушался плохо.

– Кто я? – голос изменился еще сильнее. Теперь он был не глухим и грубым, а скрипучим и дрожащим. Голосом древней трясущейся старухи. Голосом ее матери.

– Теперь ты меня узнаешь, Машенька? Узнаешь или нет? Я тебя спрашиваю! Отвечай немедленно!

Волосы на голове, да и по всему телу у Марии Аркадьевны встали дыбом. Ее мать умерла четыре года назад, и тогда она с облегчением подумала, что ей больше никогда не придется

слышать этот дребезжащий скрипучий голос. Но сейчас она слышала его вновь. Это не могла быть ее мать. Кто-то просто морочит ей голову.

– Убирайся из моего дома! Кто бы ты ни был, немедленно убирайся! – по щекам текли слезы, а подбородок мелко дрожал, мешая выговаривать слова.

– Вот так-то ты благодаришь свою мамочку за все, что она для тебя сделала! Бессовестная девчонка! А ну-ка сейчас жепусти меня! – в дверь часто-часто забарабанили, словно тот, кто стоял по ту ее сторону, имел, как минимум, десяток рук.

– Пошла вон! Ты умерла! Я не хочу тебя видеть! Ты мне и так всю жизнь исковеркала! Убирайся! – Мария Аркадьевна понимала, что несет полнейшую чушь, поскольку мертвые не возвращаются, но остановить истерику уже не могла.

– Исковеркала жизнь, говоришь? О, да! – слова сменились лающим смехом, который, в конце концов, перешел в сухой надрывный кашель, – я всегда делала это с удовольствием. Особенно в последнее время. Ты представить себе не можешь, как приятно мне было смотреть на твое лицо, когда ты меняла мои загаженные пеленки и таскала меня в ванную. Я прекрасно могла предупредить тебя, что мне нужно в туалет, но специально не делала этого, чтобы ты страдала вместе со мной. Ведь не зря же я всю жизнь старалась не допустить того, чтобы ты покинула меня. Пришлось даже заставить тебя сделать аборт, чтобы тот выродок, которого ты произвела бы на свет, не встал между тобой и мной. Я бы все равно его убила, даже если бы ты и пошла мне наперекор до конца. Но ты не пошла. Не хватило духу. Как и у твоего бесхребетного папаша. Ты думаешь, что мы с ним развелись? Нет! Он повесился в платяном шкафу на собственном галстуке. Потому что я его заставила. Заставила его повеситься! Понимаешь? Заставила! Повеситься! Я его заставила! – голос за дверью перешел в режущий уши визг, а потом все вдруг резко стихло, как будто кто-то выключил звук.

Мария Аркадьевна сидела на полу и громко всхлипывала, привалившись спиной к стене и обхватив руками притянутые к груди колени. Время от времени ее начинало мелко трясти, и тогда она сжималась еще сильнее, а всхлипы превращались в глухие рыдания.

Прошло где-то около получаса, прежде чем она сумела кое-как успокоиться. Все еще дрожащими руками женщина сняла очки и вытерла застилающие глаза слезы. Предметы вокруг тут же обрели первоначальную четкость. Остаться в доме она сейчас не могла: произошедшее казалось ей слишком ужасным, чтобы провести здесь ночь, да еще и в полном одиночестве. Кот в счет не шел. Она вообще не знала, сможет ли теперь без страха встречаться взглядом со своим питомцем.

Мария Аркадьевна встала на ноги и потянулась было к подпирающему дверь стулу, но тут же отдернула руку. А что, если оно все еще там? Ждет, когда она выйдет, чтобы напасть. Хотя, если бы хотело напасть, напало бы сразу, а не лежало бы половину вечера рядом с ней под видом кота. А может оно и не собиралось нападать, а просто пугало? Как бы там ни было, желания выходить из более-менее безопасной комнаты у женщины больше не возникло. Как не возникло и решения проблемы, с которой она теперь столкнулась: как выйти из дома и через половину города добраться до подруги, если на ней сейчас только носки, халат и очки, а мобильный телефон остался за дверью? Немного поразмыслив, решение она все-таки нашла. Если выбраться на улицу через окно, то в небольшом сарайчике за домом, где хранится садовый инвентарь и разный хлам, можно найти какую-нибудь старую одежду и обувь, в которых она могла вполне сойти за припозднившуюся дачницу. Возможно, она и не стала бы так переживать за свой внешний вид, не будь она директором школы. Хороша она будет, если кто-нибудь из учеников или родителей, а тем паче, коллег, увидит ее, разгуливающую по городу в домашнем халате. Мария Аркадьевна подошла к окну и, осторожно отодвинув штору, взглядела в темноту. Кроме ветвей груши и лежащих на земле нескольких желто-коричневых круглых листьев в пределах видимости больше ничего не наблюдалось. Она задвинула штору обратно – почему-то так она чувствовала себя в большей безопасности – и один за другим

начала открывать ящики, тумбочки и шкафчики. Она точно помнила, что где-то на кухне у нее был фонарь. После всего пережитого недавно идти одной в полной темноте ей хотелось меньше всего. Наконец фонарь нашелся. Мария Аркадьевна несколько раз щелкнула кнопкой, проверяя его исправность, погасила в комнате свет и снова выглянула в сад. Там все, вроде бы, осталось без изменений. По возможности бесшумно приоткрыв окно, она выскользнула наружу, сразу же почувствовав кожей прохладу наступившей осени. Замерла, прислушалась. Едва ощутимый ветер перебирал в темноте умирающие листья и по одному отрывал их от ветвей, заставляя медленно лететь к земле. Чуть слышно шелестела трава и где-то что-то протяжно скрипело. Почему-то этот скрип напомнил ей жалобный стон какого-то заблудившегося в темноте призрака. Вспомнив о призраках, женщина передернула плечами и включила фонарь. Яркий белый луч заскользил по стволам деревьев и кустам смородины, время от времени высвечивая среди них фрагменты забора. Завернув за угол дома, Мария Аркадьевна увидела перед собой тот самый сарайчик, в котором планировала найти какую-нибудь одежду и обувь. Все так же осторожно она потянула на себя скрипнувшую на ржавых – сколько раз собиралась смазать – петлях дверь и проскользнула внутрь. Щелкнув выключателем, женщина облегченно вздохнула: прямо возле двери на вбитых в стену гвоздях висели запачканные землей джинсы и порванная на плече куртка. Здесь же на полу стояли старые облезлые кроссовки. Она никогда в жизни не могла подумать, что когда-нибудь станет так радоваться старой грязной одежде, место которой уже давно было в мусорном контейнере. Поеживаясь от холода, Мария Аркадьевна сняла халат и облачилась в садово-огородную одежду, оказавшуюся сырой и довольно неприятно прилегающей к телу. Она уже собиралась нагнуться за кроссовками, но вдруг боковым зрением заметила в дверях какое-то движение. Схватив первое, что попало под руку – увесистый молоток на длинной ручке – женщина резко повернулась и вдруг облегченно вздохнула. Рука с молотком расслабленно опустилась. Кроме нее здесь никого не было, только ветер медленно открывал и закрывал легкую дверь сарайчика. Именно это движение она и заметила несколько секунд назад, и именно оно так ее напугало.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я спятила? – Мария Аркадьевна внимательно глядела на подругу, ожидая ответа на свой вопрос.

– Знаешь, Маш, я не хочу сказать, что ты сумасшедшая, но то, что ты мне рассказала, как минимум, странно, – в голосе женщины слышалось смутное беспокойство.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Не каждый день к ней, на ночь глядя, врывается институтская подруга и, путая слова, рассказывает о том, как с ней разговаривала ее умершая несколько лет назад мать.

– Нет, это не странно. Это страшно. Я вообще не знаю, как я теперь буду жить в этом доме.

– Утро вечера мудренее. Здесь ты точно в безопасности. Переночуешь у меня, а завтра днем съездим и посмотрим что у тебя там.

– А может все это из-за того, что я плохо думала о матери в последнее время? Я имею в виду то время, когда она болела. Ведь порой я искренне хотела, чтобы она умерла. Освободила себя и меня от всех этих страданий, от всего этого безумия, – в голосе Марии Аркадьевны вновь зазвучали истерические нотки вперемешку с подступающими слезами.

– Маша, перестань. Если какие-нибудь нехорошие мысли и приходили тебе в голову тогда, то все они ничего не значат. Кому, как не мне знать, что все свое свободное время ты проводила с матерью. Даже тогда, когда она тебя уже не узнавала. Ты сделала для нее все, что было в твоих силах, уж поверь. Хотя, прости, конечно, она этого и не очень-то заслужила.

Александра Васильевна была единственной близкой подругой Марии Аркадьевны. Они дружили еще с первого курса института, где вместе получали высшее педагогическое образова-

ние. Сейчас они работали в разных школах, но дружба их от этого не стала менее крепкой: они по-прежнему могли без опаски доверить друг другу все, что угодно. Посему, Александра Васильевна знала, о чем говорила. Знала о том, как ее подруга, не жалея себя, ухаживала за лежачей матерью, которая, как казалось со стороны, перед смертью старалась отравить жизнь дочери еще больше, чем отравляла ее до этого.

В то самое время, когда директор школы Мария Аркадьевна рассказывала подруге о произошедшем с ней, дворник, а по совместительству кладбищенский сторож Славик, лежал на заправленной кровати у себя дома и, не моргая, смотрел в освещенный голой лампочкой потолок. Он уже которую ночь не выключал в доме свет. С той самой встречи с так испугавшим его жутким парнем на кладбище. Сначала он думал, что просто спяну ему причудилось то, чего на самом деле и не было, но где-то в глубине души все равно противно копошился какой-то безотчетный страх, а обычно крепкий пьяный сон то и дело прерывался из-за кошмарных до холодного пота сновидений. Сегодня Славик тоже не стал гасить свет и решил даже не снимать одежду. Почему-то, будучи одетым, он чувствовал себя как-то безопаснее.

Стрелки старого будильника подбирались к полуночи, а сна не было ни в одном глазу. Не помогала даже выпитая в качестве снотворного бутылка дешевого вина из ближайшего магазинчика. Славик нашарил рядом с часами пачку сигарет и закурил. Выпуская в потолок струю дыма, он вдруг услышал стук в окно. Сигарета тут же выпала из вмиг задрожавшей руки. Славик вскочил и тут же пригнулся, как будто из окна в него могли в любой момент выстрелить. Несколько секунд до того, как стук повторился вновь, он лихорадочно соображал, что ему делать. Он понятия не имел, кто был по ту сторону зашторенного старыми выцветшими занавесками окна. А если уж быть совсем откровенным, то и знать не особо хотел. Точнее совсем не хотел. Но в третий раз, повторившийся дробный стук в стекло ясно дал ему понять, что кем бы ни был ночной гость, просто так он не уйдет. Славик медленно, как будто в любой момент ожидая удара, выпрямился и сделал негнущимися ногами осторожный шагок в сторону окна. Вытянул вперед дрожащую руку, осторожно отодвинул штору и заглянул в образовавшуюся черную щель, словно в бездонный омут. В первый момент ему показалось, что у него все-таки съехала крыша. За окном стоял мальчик лет пяти. Мальчик увидел Славика и, оглядываясь по сторонам, испуганно пролепетал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.